

Этот снег, словно минный взрыв,
Рвёт, сечёт поперёк и в стороны.
В снег такой идут на прорыв,
Греют крылья над раной вороны.

В снег такой идут убивать.
Смерть со степью играет в долгую.
В снег такой лишь русская мать,
Словно столб, стоит над дорогою.

Как свеча – над добром и злом.
Над деревней стоит, над городом.
Словно – трещина, как – излом,
Как рубец – не чувствуя холода.

С чёрным небом вровень стоит.
Чёрным воздухом силы скованы.
И летит этот снег, летит
Сквозь неё – в темноту и в стороны.

И течёт сквозь неё беда,
Воет ветер, на части режущий.
И горит сквозь неё звезда,
Не ища другого убежища.

ВАЛЬС ШОПЕНА

Звучал Шопен, работала «оса»,
Из лесополки прилетела мина.
Когда навек умолкли голоса,
Дым продолжал играть на пианино.

Летели ключья наперегонки.
Столбами прах носился по аллее.
Был чёрен дым, лишь две его руки,
Угадывая клавиши, белели.

Пехота шла. Кипел адреналин.
Срывались крыши, складывались стены.
Пылала Марьинка. Серёга Бородин
Стоял и слушал музыку Шопена.

Ноктюрн весенний до диез мажор.
– Как звать вас?
– Марь Иванна Балакова. –
И улыбнулась,
– Только уговор,
Не помогать. Сама. Жива-здоровая.

Арта ревела, сердце леденя.
Летели ноты вслед за облаками.
И выносил Серёга из огня
Дым невесомый с белыми руками.

Трясло «буханку», тихо пил медбрат
Из мятой фляги, загигая пальцы.
И бормотал контуженный солдат:
– Меня убили. Как домой добраться?

Глядела ночь глазницами витрин.
Срывались крыши. Складывались стены.
И бормотал Серёга Бородин:
– Я – Дым. Включите музыку Шопена.
Как слышите! Как слышите? Я – Дым!
Меня убили. Я лечу куда-то.
– Уже включаю. –
В списке был седьмым
«Вальс номер семь» на плей-листе медбрата.

Пылала Марьинка. Работал ЗРК,
Перекрывая ругань пулемёта.
Отстреленные крылья. Облака.
В сухое небо улетали ноты.

Трясло «буханку». В ночь чихал мотор.
Шла сквозь огонь разбитая дорога.
Звучал Шопен, вальс до диез минор.
И смерть не поспевала за Серёгой.

По госпиталю шлялись сквозняки.
Хрипел Серёга, свет не узнавая:
– Опять они, две белые руки.
Две женские, по воздуху летают.

Его колола чем-то медсестра.
И приносила в склянке витамины.
А он кричал: – За Родину! Ура!
Оставьте в коридоре пианино!

Соображал консилиум врачей.
А он кричал:
– Посторонитесь, братцы.
Там с нотами альбом был. Он ничей?
Меня убили. Как домой добраться?

Неделя шла, другая, день за днём.
А он всё из бинтов кричал вселенной:
– Я – Дым, я – Дым, как слышите, приём!
Меня убили. Где найти Шопена?

Но как-то раз, в один из майских дней,
Войдя, и по-особенному быстро,
Сказала медсестра: – Сергей, Сергей,
Вставайте, к нам приехали артисты!

Счастливая улыбка на лице.
Вошла и упорхнула, словно ветер.
Его везла тележка на концерт.
А он бубнил: – Мне холодно от смерти.

И кто-то танцевал, а кто-то пел.
И он, качаясь на скрипучем стуле,
Шептал: – Меня убили. Где Шопен?
Я – Дым. Я – Дым. Все ангелы уснули.

Вдруг разбудили клавиши весну,
В рой мотыльков соединились звуки.
Серёга сквозь глухую пелену
Увидел – руки, руки, эти руки!

Как молния ударила во мрак,
Вдруг вспыхнул свет негаданно-нежданно.
Он закричал: – Я здесь! – и сделал шаг, –
Я вспомнил... Балакова... Марь Иванна...

Я здесь! – пошёл, пошёл, засеменял,
Шатаюсь, наступая неуклюже.
И кто-то в зале тихо обронил:
– Вы уж простите, он у нас контужен.

Звучал Шопен, вальс до диез минор.
В рой мотыльков соединялись звуки.
И белый голубь залетел в окно.
А он всё шёл и видел – только руки.

Вдаль уходил за окнами простор.
И небосклон за окнами проснулся.
Звучал Шопен, вальс до диез минор.
А он всё шёл. И вышел. И вернулся.

* * *

А где Серёга? Он живой.
Кровит ушная перепонка.
Он там, где лес под Кременной
Вскрыт, как солдатская тушёнка.

Войной рождённый архетип,
Пятно родимое на коже.
Он под Изюмом не погиб
И не пропал на Запорожье.

Сох от тоски в госпиталях.
На время в гипс переобулся.
И всё же – злой, на костылях,
К своим за ленточку вернулся.

За что воюет? Ветродуи
Из сердца вымести не может
Тот вороватый поцелуй
Какой-то женщины в прихожей.

И это всё, что он забрал
С собой. Но потому, быть может,
Он под Изюмом не пропал.
И не погиб на Запорожье.

Он вылез, выбрался, живой.
В бою уверен и спокоен.
И только лес под Кременной
Стоит в раю одной ногою.

* * *

За что я пью, мой друг друид?
За ветра свист. За шум дубравы.
За то, что Бог меня хранит
И бережёт от глупой славы.

Ведёт тропинка в рай и в ад –
Серёга в маскхалате «гилли»
Похож на лешего, космат,
И с позывным в эфире: «Вилли».

Его напарник молодой,
Шутя однажды, брякнул: – Вилли.
Собачий прямо позывной,
Скажу я вам, Сергей Василич!

– Создал, – Серёга говорит, –
Когда-то дас флугцаг отличный
Конструктор Вилли Мессершмитт,
Да только дед мой был зенитчик!
Флугцаг был мощь – от а до я.
Про асов сказано немало.
Но снайпер, бабушка моя,
Та белке в глаз легко стреляла.

Ведёт тропинка в два конца.
А я, такая вот планида,
Похож на кельтского жреца
И на германского друида.
А я лежу – в глазах земля.
Что за эпическая сила!
Вот снайпер, бабушка моя,
Давно б кого-нибудь скосила.
Гул. Вертолёт. Раскрас «вампир»,
Летит в клубах дорожной пыли –
Так низко. Захрипел эфир:
«Чужой! Чужой! Работай, Вилли».

Серёга в землю вжался. Гул.
...Чуть ближе. Боже святой сыне...
Он вскинул ствол и подмигнул
Двум облакам застывшим в сини.
Лёг палец на крючок: – Всех благ.
В раю воспой мою победу!
И не промазал, дас флугцаг.
Спасибо бабушке и деду.

* * *

Придёт Серёга по весне.
Возьмёт квартиру в новостройке.
Он будет жить за барной стойкой.
И всё! – Ни слова о войне.

Он будет жить один, как перст,
Похожий на весло Харона.
Пить не за звёзды на погонах,
Не за Георгиевский крест.

Не за тепло и свет весны.
И не за хату в новостройке.
Он будет повторять у стойки,
Кулак сжимая: «Пацаны».

Один он будет тихо жить.
Смотреть в стакан и слушать ветер
И деньги незнакомым детям
Во все концы переводить.

Махнёт и скажет вдруг: «Салям».
И чтоб не причинить урону,
Он незнакомым матерям
Начнёт звонить по телефону.

Он будет долго, длинно жить,
Прищуривать глаза больные.
Перебирая позывные,
Хрипеть бармену: «Повторить».

Он побредёт глухим двором
И будет, никому не нужный,
Обруган кем-нибудь в метро
За то, что в Марьинке контужен.

Он будет с Богом говорить,
Хрипеть в небесные зароды:
«Не убивай, мне надо жить!
Мне надо детям переводы!..»

Он будет полный бред нести.
Шататься. Путать с былью небыль.
И вдруг услышит голос с неба:
«Куда, скажи, перевести?»

Дым поплывёт в седой дали.
Знакомый бар. Подвал. Ступеньки.
Пусть дети думают, что деньги
Отцы с войны перевели.

Весной, в грачином галдеже
Вернётся. И весну полюбит.
И в новостройке хату купит
На самом верхнем этаже.

Серёга пришёл. Я спросил: «как дела?
Ну, как там оно на войне?»
И тень его ложкой вначале скребла.
Потом говорила не мне:

– Всего только шаг за чёрту и – в золу,
Где ни тормозов, ни границ.
И вот – приложением стал ты к стволу,
И вот – черепа вместо лиц.

И вот... Как не баба тебя родила!
И взгляд его – мимо меня.
И тень его ложкой в тарелке скребла,
Как будто не ела три дня.

Он встал. Подтянулся. Сгрёб воздух в горсти.
Шарахнулась тень, повело...
– Сирени бы в госпиталь им привезти.
Девчонкам. Там всю посекло.

Скрипела изба. Ветер выл наугад.
Кривился оконный проём,
И пугало в поле клонилось в закат,
И медленно плавилось в нём.

Серёга ушёл, как уходят к жене.
Побыл. И довольно. Привет.
И долго ещё тень скребла по стене,
Не зная, как выйти на свет.

Что мы пели с тобой, что мы пили с тобой до войны?
Онемела изба, по углам растерялись пожитки.
Тени тощих берёз, как стихи идиота, нежны.
В перекрестье эпох – ты с солдатским мешком у калитки.

Словно мусор на свалке, рассыпаны звёзды в пруду.
Словно сука с цепи, то и дело срывается ветер.
Ты глядишь в никуда. Ночь старухой застыла в саду.
И боятся смотреть из окна повзрослевшие дети.
В темноте ускользает, теряется серая нить.
Дышит пылью дорожной ночная, холодная пустошь.
Понимаю, как нужно теперь обязательно жить.
И сегодня. И завтра. Весь век. И всегда. Потому что...

* * *

Стриж угодил в переплёт –
Ударился и упал.
Лежит на земле и ждёт,
Кто бы его поднял.
Стриж не умеет с земли
Взлетать, ему бы отвес.
Вокруг него ковыли.
За ковылями – лес.
То ли черёмухи вздох,
Похожий на плач вдовы.
Иль просто бездомный Бог –
В сонных глазах листвы.
То ли разрушила сад
Напасть. – Эй, кто здесь живой?
Иль просто с войны солдат
Мёртвый пришёл домой.
Кто же поднимет стрижа,
Чьи руки? Да тот ли век!
По воздуху валит ржа
Плясок и ипотек.
Смотрит беспомощно сад,
Тяжёлый от птичьих мук.
Чьи руки? Домой солдат
Мёртвый пришёл, без рук.
Мается чертополох
Сквозь дыры прогнивших крыш.
Хлопочет бездомный Бог,
Смотрит на Бога стриж.

Ветер ослеп и оглох,
Ковыль заплетая в крест.
И страшно бездомен Бог,
Страшно бессилён лес.
Чертополох серых крыш,
По воздуху валит ржа.
Но помнит солдата стриж.
Помнит солдат стрижа.
Ветер всё рвётся из жил.
Калитки унылый стук.
Солдата не пережил
Старый пернатый друг.
Стриж – как же трудно дышать.
Солдату – уже легко.
Им вместе теперь лежать,
И летать высоко.

г. Москва